

12+

День рождения

КНИГ

2016 год

информационный стенд

Нижний Новгород,

2016

Уважаемые читатели!

В 2016 году мы праздновали юбилеи не только писателей, но и книг. Среди них великие произведения, которые на протяжении десятилетий и даже столетий продолжают переиздаваться. Это книги-друзья, которые, несмотря на языковые барьеры и время, понятны и любимы всеми. Подобно огромным слонам, на которых, по представлениям древних, покоился плоский мир, они стоят в основании всей современной культуры, независимо от того, как далеко она ушла от первоисточников. С некоторыми из них мы познакомились в школе, но их настоящее величие осознается позднее.

Здесь мы вам расскажем только о шести шедеврах, которые навсегда вошли в фонд мировой классики. Все эти книги вы можете взять в нашей библиотеке и самостоятельно разобраться в том, почему весь мир уже долгие годы считает именно эти произведения лучшими.

1. **Гюго В. Собор Парижской Богоматери : роман** / пер. с фр. Н. Коган. – Москва : Дом, 1994. – 448 с.
2. **Ильф И.А. Золотой теленок : роман** / И.А. Ильф, Е.П. Петров ; худож. Ф. Барбышев. – Москва : Локид, 1998. – 344 с.
3. **Пушкин А.С. Капитанская дочка.** – Москва : Художественная литература, 1984. – 287 с.
4. **Сэлинджер Дж.Д. Над пропастью во ржи : роман** / пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой. – Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Домино, 2013. – 336 с.
5. **Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы : для средней школы** / худож. В. Высоцкий. – Москва : Детская литература, 1984. – 127 с.
6. **Шекспир У. Венецианский купец; Много шума из ничего : пьесы** / пер. с англ. Т.Л. Щепкиной-Куперник. – Москва : АСТ, 2001. – 320 с.

На нашем сайте стартовал проект [«НеМодное Чтение»](#). Это авторский взгляд библиотекаря Ольги Владимировны Кузьминой на незаслуженно забытые книги, настоящую литературную классику.

"Шейлок скуп... Чадолубив, остроумен"

Такую характеристику дал Александр Пушкин герою "Венецианского купца". В этом году пьесе, принадлежащей перу Уильяма Шекспира, исполняется 420 лет. Великого английского драматурга мы вспоминаем еще и потому, что он покинул этот бренный мир ровно четыре столетия назад.

Но вернемся к Пушкину. Описывая образ Шейлока, поэт противопоставляет его Скупому из комедии Мольера: "Лица, созданные Шекспиром, не суть как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры".

Шейлок и правда считается одним из самых удачных образов Шекспира. Скупость еврея-ростовщика перемешивается в нем с любовью к своей дочери, которая ненавидит отца и сбегает от него. В этом Шейлок винит всех христиан. Последнее, что у него остается, - это просроченный вексель венецианского купца Антонио, по которому ростовщик должен получить фунт мяса, срезанный с тела Антонио. С этим векселем он идет в суд, чтобы получить причитающееся и тем отомстить всем христианам, которые не считают его, еврея, полноценным человеком.

Безграничной скупости Шейлока противопоставлена дружба Антонио и Бассанио, ради которого купец и занял деньги у ростовщика.

"Венецианский купец" считается комедией, поскольку пьеса имеет счастливый конец, но из-за трагического образа Шейлока современные исследователи причисляют ее к драме.

Некоторые исследователи полагают, что в противостоянии Антонио и Шейлока заложено противоборство христианства и иудаизма. Однако это не так. По ходу пьесы ростовщик произносит монолог, который считается лучшей защитой равноправия евреев в мировой литературе.

Образы Шекспира глубоки и многогранны. Поэтому уже четыре столетия его бессмертные пьесы не сходят с подмостков театров.

"Собор заменял ему... всю вселенную"

185 лет назад вышел первый большой роман **Виктора Гюго** - **"Собор Парижской Богоматери"**. Удивительный пример того, как литература может повлиять на жизнь.

Ко времени написания романа главный собор Парижа находился в плачевном состоянии и встал вопрос о его сносе. Книга Гюго, где главным действующим лицом был именно Нотр-Дам, буквально спасла его от уничтожения. Писатель напомнил французам, что подобные сооружения - это, прежде всего, память о людях, которые строили их, жили рядом. И эту память непременно нужно сохранить.

Так литературный памятник спас памятник архитектуры. Интересно, чтобы сделали жители Франции, если бы роман Виктора Гюго не был бы написан так талантливо. Неужели снесли бы собор?

К счастью, мы никогда не узнаем этого, потому что "Собор Парижской Богоматери" - один из лучших классических французских романов.

История Эсмеральды писалась в те беспокойные месяцы, когда во Франции началась революция: в попытках свергнуть монархию на улицах Парижа вспыхнули баррикадные бои.

Поэтому исторический роман Гюго наполнен народом, пестрой картиной жизни простых людей, которые в конце пятнадцатого века (время действия романа) были так же угнетены, как и в середине девятнадцатого.

"Собор заменял ему... всю вселенную" - это о Квазимодо, звонаре Нотр-Дама, горбуне с ужасающей внешностью и добрым сердцем. Он душа Собора, вокруг которого разыгрывается трагедия цыганской танцовщицы Эсмеральды.

Роман неоднократно экранизировали, а в 1998 году появился мюзикл, который попал в Книгу рекордов Гиннеса как имеющий самый большой успех в первый год работы.

Благодаря Виктору Гюго, Собор Парижской Богоматери стал одним из символов Парижа и всей Франции, а в нем навечно поселились герои романа. Так выдумка причудливо переплетается с реальностью, рождая бессмертные памятники искусства.

Хотите прикоснуться к бессмертию?

"Береги честь смолоду"

Знакома ли вам эта пословица? Конечно же. Александр Сергеевич Пушкин сделал ее эпиграфом к своему последнему прозаическому творению - "**Капитанской дочке**". Роман этот был впервые опубликован в журнале "Современник", который выпускал Пушкин, **180 лет** назад, в декабре 1836 года.

Произведение имело огромный успех, в отличие от пушкинской "Истории пугачевского бунта", которая, по мнению историка В.О. Ключевского, "кажется длинным объяснительным примечанием к роману".

Уже первые читатели романа заметили, что "Капитанская дочка" - своего рода ответ русского писателя на засилье исторических сочинений Вальтера Скотта. Этакое "импортозамещение" по-пушкински.

Но, как и в случае с лермонтовским "Героем нашего времени", автор "Капитанской дочки" перестарался. В этих шедеврах сюжет является лишь фоном, а оживает сама история, отраженная не в декорациях или правильной хронологии событий, но в правдивых поступках героев, их мыслях и чувствах. Это и есть живая ткань истории - верно переданная история людских судеб.

Главные герои - Петруша Гринев и Маша, капитанская дочка, - оказываются вовлечены в события бунта Емельяна Пугачева. Но, следуя той самой пословице, берегут и честь и честность.

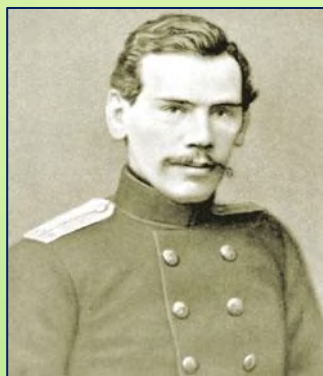
Читая и перечитывая шедевр Пушкина, понимаешь: автору удалось сохранить тонкую грань исторической объективности. Большой художник не поглотил историка, а славянофил - западника.

Только в творчестве Пушкина мы видим гармоничное сочетание стремлений к демократическим, европейским свободам и бережное, любовное отношение к русскому языку, фольклору, традициям.

"Капитанская дочка" была выпущена за месяц до трагической дуэли Александра Пушкина. Роман не был его завещанием, он собирался написать еще многое, но от главного - понятия совестливости, честности, он бы не отказался никогда.

"Герой же моей повести... правда"

В первом номере журнала "Современник" за 1856 год (160 лет назад) вышел рассказ [Льва Николаевича Толстого](#) "Севастополь в августе 1855 года". Этим произведением завершился небольшой цикл "**Севастопольских рассказов**", посвященный героической обороне Севастополя во время Крымской войны.

Военная проза Толстого не пустые выдумки художника. С 1851 года он в действующей армии на Кавказе. Участвует в вылазках против горцев, в дневник записывает наблюдения над своим поведением в момент опасности. Так, из собственного опыта складывается стиль военной прозы писателя. Но к теме войны Толстой обращается не ради экзотических картин.

"Интересовал меня сам факт войны - убийство... каким образом и под влиянием какого чувства убил один солдат другого", - пишет он в черновом варианте раннего рассказа "Набег".

В "Севастопольских рассказах" Толстой попытался понять именно это, психологию войны. Достоверность его наблюдений не вызывает сомнений - с ноября 1854 вплоть до оставления города в августе 1855 года писатель находится в осажденном Севастополе. Под обстрелами дежурит на батарее, участвует в сражении на Черной речке и в боях во время последнего штурма города.

Его рассказ - свидетельство очевидца. Но, в отличие от журналистских материалов, Толстой обобщает и описывает события пером большого художника. Главная мысль писателя - бессмысленность войны: *"одно из двух: или война есть сумасшествие, или ежели люди делают это сумасшествие, то они совсем не разумные создания, как у нас почему-то принято думать"*.

Стараясь быть правдивым во всем, Толстой развенчивает романтический ореол военного ремесла. Война не просто бессмысленна - это страшная, грязная, тяжелая работа. На войне, по мнению Толстого, нет ни героев, ни злодеев, а есть только взаимоуничтожение. Однако не следует думать, что "Севастопольские рассказы" - произведение, лишенное патриотического чувства. Без громких слов Толстой прославляет простого русского солдата, его молчаливый подвиг и его, нет, не готовность к самопожертвованию, а желание выстоять в этом страшном круговороте смерти и боли под названием война.

"Командовать парадом буду я!"

Знаменитый девиз [Остапа Бендера](#) давно освоен русским народом и превратился в самостоятельный и самобытный афоризм. Я даже могу сказать насколько давно. Впервые эту фразу великий комбинатор произнес **85 лет** назад - тогда в Советском Союзе вышел роман [Ильи Ильфа](#) и [Евгения Петрова](#) "**Золотой теленок**".

На самом деле это вторая книга о похождениях сына турецкоподданного (подобный титул означает, кстати, что отец Остапа не турок, а переехавший в Палестину еврей). Первая - "Двенадцать стульев", вышла в 1928 году.

На первый взгляд оба романа мало чем отличаются, но если прочитать их подряд, то станет понятно, что отличия все же есть. Судите сами.

"Двенадцать стульев" - произведение, написанное в жанре классического плутовского романа, где господин и его слуга отправляются за каким-нибудь наследством и по пути попадают в разнообразные приключения (с той лишь разницей, что обычно хитрым и умным плутом выступает слуга, а не господин). Конечно, в версии Ильфа и Петрова авантурный сюжет стал лишь отправной точкой для того, чтобы писатели могли показать пеструю панораму жизни первых лет советского государства. Комедия быта и нравов вперемежку с высмеиванием "старых порядков".

"Золотой теленок" - другая книга. Она глубже, сатиричнее. На смену пережиткам царизма приходят не менее анекдотичные перегибы советской жизни. Да и Остап уже не просто охотник за сокровищами, он мошенник, который бросает вызов еще более крупному мошеннику - подпольному миллионеру Корейко. Противостояние почти идеологическое. Почти, поскольку победивший Остап сам становится рабом золотого тельца. И здесь крах мечты авантюриста достигает уровня трагедии.

К счастью, книги Ильфа и Петрова, которые одно время даже были запрещены, лишены патетики разоблачения и во многом пародийны. Например, фраза о командовании парадом была взята из официальных речей. Естественно, что после Бендера ее никто серьезно не воспринимал. А это только один из множества афоризмов, которые щедро рассыпаны на страницах романа "Золотой теленок".

"Не верь никому старше тридцати"

Эту фразу, которая в середине 60-х стала лозунгом американской контркультуры, мог бы сказать главный герой романа [Джерома Сэлинджера](#) **"Над пропастью во ржи"** Холден Колфилд. Почему-то мне всегда казалось, что именно он ее и сказал. Вот послушайте, как он начинает свой рассказ: *"Если вам на самом деле хочется услышать эту историю, вы, наверно, прежде всего захотите узнать, где я родился,*

как провел свое дурацкое детство, что делали родители до моего рождения... Но, по правде говоря, мне не охота в этом копаться". И далее все в таком духе. Признаться, с первых же фраз я проникся к Холдену, его доверительной манере рассказывать и до конца романа верил каждому слову. Думаю, каждый, кто брал эту книгу, испытывал подобное. Но самое удивительное, что роману, вышедшему в свет в 1951-ом, в этом году стукнуло **65 лет**, а Сэлинджеру на момент написания уже перевалило за тридцать. Как же поверить таким старикам? И все же мы верим. Почему?

Главный герой романа "Над пропастью во ржи" (в оригинале "The Catcher in the Rye" - "Ловец во ржи") - простой американский подросток. Его история незатейлива: Холдена Колфилда отчисляют за неуспеваемость из закрытой школы, но, не дожидаясь родителей, он сбегает из школы, чтобы весело провести предрождественские дни в Нью-Йорке.

Он из тех, кто мечтает, чтобы когда-нибудь появился, наконец, писатель, с которым хотелось бы связаться по телефону, посоветоваться и вообще поговорить, о чем вздумается. А юному Холдену есть что сказать. В присущей ему манере он обвиняет окружающий мир, особенно взрослых, в фальши, сознательном притворстве, "показухе", пошлости, а директора школы и вовсе называет *"треплом несусветным"*. И мы верим ему, потому что, говоря о себе, он не скрывает своих недостатков, не пытается обелиться. Он предельно честен с нами: признается, что порой валяет дурака, ведет себя как ребенок, а иногда даже и как подлец.

Лишь тогда Холден становится по-настоящему взрослым, когда в романе появляется его младшая сестренка. Ради нее он расстается с юношеским желанием сбежать от лживого мира и примиряется с несбыточностью своих идеалов. Ведь он и есть тот самый ловец во ржи, единственный взрослый, который спасает маленьких детей от падения в пропасть. Максимализм, открытость Холдена подкупают читателя, ему веришь, и хочется еще раз послушать его честный рассказ.